

Р. Дюбюи

**COURTOIS И COURTISAN:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ**

В статье рассматривается история двух терминов, тесно связанных с понятием придворной службы в Средние века: *courtois* и *courtisan*. На примере ряда сочинений французской литературы XII-XV вв. анализируются особенности бытования обоих терминов, закончившегося полным вытеснением к концу Средневековья слова *courtois*.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, лингвистика, королевский двор

На первый взгляд представляется логичным считать, что слова *courtois* (галантный, куртуазный) и *courtisan* (куртизан, придворный) не являются подлинными дублетами, то есть близкими по значению лексическими единицами, поскольку они не имеют общего происхождения. Тем не менее принадлежность к одной и той же семантической семье и тесная связь с понятием придворной службы дают достаточно оснований для их сравнительного изучения. Без особого удивления можно отметить, что в литературе они появляются далеко не одновременно, и проходит немало времени, прежде чем у нас возникает возможность сравнить их употребление в хронологически близких текстах. При этом самые первые случаи использования слова *courtois* отмечаются уже в нашем наиболее древнем литературном памятнике – «Песни о Роланде». На протяжении своей истории слово *courtois* не раз меняло значение, приобретая то высокую, то низкую стилистическую окраску, прежде чем стать уже в наше время заурядным, довольно банальным эпитетом, жертвой славного прошлого, груз которого не столь просто нести. Поэтому, чтобы очертить его подлинный смысл, представляется логичным вернуться к происхождению этого слова, каждый раз помещая его в контекст и тем самым, определяя его значение, а также убеждаясь в правильности этого определения.

Прежде чем погрузиться в детали, необходимо указать, что если читатель не раз встретит прилагательное *curteis* или дважды – наречие *curteisement*, то существительного *curteisie* он не найдет вовсе. Эта кон-

статация, которая не зависит ни от частотности, ни от выборки и сразу же придает определенное направление нашему исследованию. Можно тем самым утверждать, что в «Песни о Роланде» это слово не служит для характеристики социального явления, имеющего отношение к той или иной группе людей. Оно указывает лишь на отдельных людей как таковых, принадлежащих к одной социальной группе – окружению Карла Великого, – обычно обозначаемой словом *curt*, «двор».

Характер отношений между императором и рыцарями его «двора» превосходным образом объясняет, что такое взаимные обязательства сюзерена и вассала, являющиеся основанием феодальной системы. В центре этой системы – представление о службе, которую каждый из них обязан нести по отношению к другому. «Служить» означает быть полезным: *prode esse*, означает быть *preu*. Именно этим и заняты все герои песни – от архиепископа Тюрпина до Роланда, не исключая и Оливье. Все рыцари Карла Великого – *proz*, «приносят пользу». В контексте «Песни о Роланде» сюзерен ждет от вассала прежде всего военной службы. По этой причине Роланд, на глазах которого Оливье только что поразил дюжину сарацин, сопровождает его деяние такими словами: «Такой лихой удар оценит Карл»¹. По мнению автора «Песни», пользу, приносимую такими ударами, можно описать одним стихом, торжествующий тон которого не оставляет места никакому сочувствию к погибшим: «Не воевать им больше никогда»². В то же время нужно заметить, что каждый из этих смельчаков обладает своей индивидуальностью, которую выражают и его речи, и его поступки. Поэтому, как правило, эпитет *preu* (полезный) сопровождается еще одним, который его дополняет и уточняет. Некоторые пары эпитетов не представляют особого интереса. Если назвать Оливье «смелым и благородным» (*li proz e li gentilz*, v. 176), его едва ли можно будет отличить от других рыцарей; если «смелым и доблестным» (*li proz e li vaillanz*, v. 3176) – это всего лишь тавтология. Другие эпитеты, однако, более выразительны. Так, не без некоторого удивления можно отметить, что Оливье – единственный из рыцарей – дважды назван «смелым и учтивым» (*li proz e li curteis*, v. 576; 3755). Поскольку контекст в данном случае никак не помогает понять смысл второго эпитета, можно

¹ Pour itels colps nos ad Charles plus cher. – La Chanson de Roland. P., 1969. V. 1560. Здесь и далее в переводе статьи цитаты из памятников французской средневековой литературы приводятся в русских переводах по изданиям: Песнь о Роланде / Пер. Ю. Корнеева. М., 1976; Роман о Лисе / Пер. А. Наймана. М., 1987. При неточности имеющегося русского стихотворного перевода в существенных по смыслу местах мы даем цитаты в своем переводе. – Прим. перев.

² Cil ne sunt proz ja mais pur guerreier – La Chanson de Roland. V. 1157.

попытаться восполнить эту лакуну, проанализировав образ Оливье. Хотя песнь и не названа его именем, он, вне сомнений, обрисован лучше всех других героев. Как и герцог Немон, он полностью посвятил себя служению Карлу Великому. Если Немон представлен как «самый славный при дворе вассал»¹, то для Карла Оливье – тот, «кому он более всего доверяет»². И Немон, и Оливье обладают превосходным свойством – мудростью³. Мудрость несколько не отождествляется с «prouesse» («отвагой»); напротив, она от нее весьма далека, причем настолько, что может ей противопоставляться, как в той знаменитой сцене, где Роланд и Оливье вступают в спор: «Разумен Оливье, Роланд отважен»⁴. В оригинале союз «е» (см. прим. 8) не соединяет в данном случае два равноправных и дополняющих друг друга элемента, но подчеркивает различие между ними: Роланд отважен, *тогда как* Оливье разумен. Язычники изрубят воинов французского арьергарда на части, если Карл не поспешит им на помощь. Роланд отказывается взывать о помощи, поскольку он слишком доверяет своей «prouesse» («отваге»); кроме того, он уверен, что его Дюрандаль сразит всех мавров, а также что призыв о помощи покроет его позором. Оливье совсем не разделяет мысли своего друга, о чем ясно ему и говорит: «Французов погубила ваша гордость. / Мы королю уж не послужим больше»⁵. Оливье наотрез отказывается признать то понимание отваги, которое присуще Роланду, решительно его отвергая: «Нам ваша дерзость жизни будет стоить, / Теперь вы Карлу больше не помощник»⁶. Для Оливье «prouesse» не является ни самоцелью, ни средством, с помощью которого вассал добивается награды и льстит своему тщеславию. Она прежде всего средство – в ряду других, – используемое для служения сюзерену, а в данном случае отвага Роланда преступна. Оливье нужно всего лишь два стиха, чтобы выразить свою мысль, и эти несколько слов для нас в высшей степени значимы: «Быть смелым мало – быть разумным должно, / И лучше меру знать, чем сумасбродить»⁷. Как бы ни была необходима «отвага», ее нужно уравновешивать мудростью,

¹ Meillor vassal en la curt. – La Chanson de Roland. V. 231, 775.

² Olivier, en qui il tant se fiet. – Ibid. V. 586.

³ Когда Немон предлагает отправиться с посольством к Марсилию, Карл, не желая лишиться его общества, отказывает ему: «Вы мудрый человек» (Vos estes saives hom). – Ibid. V. 248.

⁴ Roland est proz e Olivier est sage. – Ibid. V. 1093.

⁵ Franceis sunt morz par vostre legerie/ Ja mais Karlon de nus n'avrat servise. – Ibid. V. 1726-1727.

⁶ Vostre proeccc, Rollant, mar la veïsmes!/ Karles li Magnes de nos n'avrat aïe. – Ibid. V. 1731-1732.

⁷ Vasselage par sens nen est folie/ Mielz valt mesure que ne fait estultie. – Ibid. V. 1724-1725.

которая, в свою очередь, определяется *mesure* («мерой»). Не встречаемся ли мы уже здесь с термином, который два века спустя – в куртуазную эпоху – станет ключевым? Было бы ошибочным, конечно, превращать Оливье в опередившего свое время куртуазного рыцаря. И все же нельзя не признать, что в мире, где закон устанавливают воины, Оливье как бы намекает на новый идеал, открывает место другим ценностям – тем, что суждено воплотить и прославить вассалу, который станет необходим союзеру при его *curt*, «дворе», тому вассалу, которого превознесут грядущие века.

Роланд и Оливье крайне несхожи и в том, как они смотрят на женщину и какое место они ей отводят в обществе, хотя это и не становится предметом дискуссий между ними. Когда Роланд осознает, что стоит на пороге смерти, в тот самый момент, когда «ему многое приходит на память»¹, он вспоминает о своем прошлом, о своих победоносных сражениях, «о милой Франции и о родных» и, наконец, о «Карле, своем господине»². Ни на одно мгновение в его сознание не закралась мысль о той, «которой клятву дал назвать своей женой»³, о прекрасной Альде, которая, узнав о его гибели, умерла от страданий. Погибший в Ронсевале Оливье при смерти Альды не присутствует, и никто не может представить, как бы он отозвался об этом событии. И все же в поэме есть один краткий эпизод, слишком короткий, чтобы привлечь к себе внимание, но который заставляет задуматься об этом. В Ронсевале христиане гибнут под натиском толп язычников. Один из них, Марганис, коварно разит Оливье в спину и объявляет, что отмстил за своих. Прежде чем умереть, Оливье сносит Марганису голову тем последним усилием, какое встречается только в эпических песнях, а затем в чистейшем эпическом стиле обращается к поверженному врагу, лежащему у его ног: «И перед дамой иль женой своей / Не станешь хвастать у себя в стране, / Что повредить нам хоть на грош сумел – / Мне иль другим»⁴. Не предвосхищает ли он тем самым рыцаря куртуазной литературы, повествующего о своих подвигах на «дамской половине»? Не за такой ли поступок Оливье – герой «Песни о Роланде», не похожий на других, – был награжден редким эпитетом «учтивый», *curteis*?

Два употребления наречия *curteisement* (учтиво, любезно), как кажется, подтверждают наш анализ. В первом случае речь идет о близящем-

¹ De plusieurs choses a remembrer li prist. – Ibid. V. 2377.

² Ibid. V. 2379-2380.

³ Jurat cume sa per a prendre. Ibid. V. 3710.

⁴ Ne a mulier ne a dame qu'aies veüid / n'en vanteras el regne dunt tu fus / vaillant a un denier que m'aies tolut / ne fait damage ne de mei, ne d'altrui. – Ibid. V. 1960-1963.

ся решающем сражении, и ясно, что победу в нем одержат язычники, поскольку они более многочисленны. Слепленный своей *prouesse* (отвагой), Роланд отказывается допустить такую возможность. Обращаясь к воинам, он предвещает им в четырех торжествующих стихах скорую победу. Не должно удивлять, что и вступление к его словам выдержано в тех же тонах: «Роланд горделиво оглядел мавров, / Глянул на своих людей со смирением и любовью / И обратился к ним с учтивой речью»¹. Здесь все построено на контрасте между суровым, угрожающим взглядом, каким Роланд смотрит на язычников, и ласковой печалью, которая чувствуется в его взоре, обращенном на своих. В преддверии смерти Роланд становится более смиренным и кротким, подобно тому как другие становятся милосерднее. Автор поэмы, более здравомыслящий и менее упрямый, чем его герой, пытается внушить своему читателю эту мысль: ее передает наречие «учтиво», *curteisement*.

Немаловажно уделить внимание значительному эпизоду поэмы – суду над Ганелоном. Бароны должны, наконец, дать Карлу ответ на его просьбу воздать Ганелону «по праву»². Ганелон, со своей стороны, находит родственника, могущественного Пинабеля, грозного защитника, который предлагает прибегнуть к судебному поединку. По феодальной логике вынесение приговора предателю не должно было быть предметом судебного разбирательства, однако бароны, – повергая Карла тем самым в глубочайшее горе, – предлагают ему полностью оправдать Ганелона³. Автор поэмы двумя штрихами изображает совет, который принимает такое решение, выдвигая главный аргумент, к которому присоединяются все. Он укладывается в три стиха: «Погиб Роланд и не придет обратно;/ Не воскресить его серебром иль златом. / От поединка проку будет мало»⁴. К такому, совершенно логичному, заключению приходят те, кто не хочет обострять ситуацию: «держатся осторожнее»⁵. Считать ли этот ответ проявлением трусости, благородной снисходительности или выражением «политического» реализма, родственного цинизму, – в любом случае мы далеки от эпического величия, которое современный читатель с удовольствием обретает в «шансон де жест». Он будет немало

¹ Vers Sarrazins regardet fierement / E vers Franceis humeles e dulcement / Si lur ad dit un mot curteisement. – Ibid. V. 1162-1164.

² В этом заключается одна из обязанностей тех, кто служит при дворе, это составляющая часть «служения».

³ Ibid. V. 3815-3818.

⁴ Morz est Rollant, ja mais nel revereiz; / N'ert recuvret pot or ne por avoir; Mult sereit fols ki ja se combatreit. – Ibid. V. 3802-3805.

⁵ Se cuntient plus quei. – Ibid. V. 3797.

удивлен, когда узнает, что те, чье решение побеждает на совете, – овернские бароны, «*icels d'Alverne*» – награждаются автором эпитетом *curteis*, да еще и в превосходной степени: «они самые учтивые» (*i sunt li plus curteis*). В этом же эпизоде мы находим второй случай употребления наречия *curteisement*, что позволит нам довести до конца эту часть нашего исследования. Молодой воин Тьерри принимает вызов Пинабеля, о чем сообщает Карлу, приведенному в отчаяние решением своих советников. В этот момент драматическое напряжение велико, и рассказ автора об этой сцене крайне удивляет: Тьерри «учтиво молвит императору»¹. Совершенно очевидно, что куртуазность – как мы ее понимаем – не имеет к этому эпизоду никакого отношения. Тьерри скорее движим живым состраданием к Карлу, нежели гневом на баронов или презрением к их подлости. Эпическая песнь скупа на изъявления чувств. На них достаточно намекнуть одним словом: Тьерри также оказывается *curteis*.

Всем медиевистам случалось столкнуться с трудностями, когда они пытались предложить современному читателю перевод ключевых терминов средневековой литературы, причем такой, чтобы каждому соответствовало одно слово, – примеров не перечесть. Прилагательное *curteis* прекрасно иллюстрирует это общее правило. В данном случае можно назвать две взаимодополняющие причины нашей несостоятельности. В самом деле, окончив чтение «Песни о Роланде», мы вынуждены констатировать, во-первых, известную многозначность слов *curteis* / *curteisement*; во-вторых, потребность понимать читаемый текст, которую испытывает современный читатель. Раз очевидно, что простой «перевод» *curteis* современным *courtois* неприемлем, значит, надо признать, что его семантика может варьироваться от персонажа к персонажу, от ситуации к ситуации, а также что она будет различной для разных читателей. И все же нетрудно уловить, что эти вариации осуществляются в пределах значений одной группы. В мире, где нет места бесполезному, в обществе, где зрение и слух позволяют оценить только тех, кто действует, но не тех, кто думает или испытывает чувства, происходит некий сдвиг, и появляется потребность выйти из слишком узкого универсума, в котором господствует только *prouesse*. Легкое дуновение человечности, пока еще едва уловимое, как бы сокрытое некой дымкой, становится ощутимо в том пространстве, где обычно торжествует только сила. Слова *curteis* и *curteisement* указывают на существование этого нового явления, за которым уже проглядывается образ «смелого и куртуазного» рыцаря последующих столетий.

¹ *Curteisement a l'emperere ad dit.* – Ibid. V. 3823.

Несколько стихов, которыми открывается история Ивейна, рыцаря со львом, весьма показательны. В Кардуэле собирается двор короля Артура. Рассказ об этом событии Кретьен де Труа начинается следующими стихами: «Артур, доблестный король Британии, чья отвага учит нас быть смелыми и учтивыми»¹. Здесь значимо каждое слово, поскольку то, чему «учит» «доблестный король», воплощает новый идеал: «отвага», которую его слава превращает в новую ценность, предполагает соединение двух положительных качеств, которые веком раньше «Песнь о Роланде» противопоставляла: теперь рыцарь должен быть «смелым и учтивым». К. Бюридан и Ж. Тротэн так переводят эти стихи: «Артур [...], чье совершенство дает нам урок доблести и учтивости»²; этот перевод подтверждает сказанное нами. Отныне не будет рыцаря, достойного этого звания, который не обладал бы обоими указанными качествами. Нужно, однако, сразу же отметить, что семантика этих прилагательных будет эволюционировать не одинаково. Что касается прилагательного *preu*, развитие его семантики не столь сложно, и его перевод современным *vaillant*, как правило, не вызывает возражений. Этого не скажешь о прилагательном *courtois*. Основное его значение, вообще говоря, осталось тем же, которое было знакомо еще читателям «Песни о Роланде». Позднее, в куртуазную эпоху, к нему присоединился эпитет *fin* (утонченный, чистый, превосходный), проясняющий и уточняющий его значение. Тем не менее во многих случаях для современного читателя понимание этого термина остается проблематичным: ведь он пользуется языком куда более богатым, чем язык его предков, и поневоле вынужден сравнивать многие оттенки значений, чтобы сделать нужный выбор. Общий контекст произведения в лучшем случае может служить ему лишь неким ориентиром. Однако нельзя обойти молчанием другие случаи употребления этого прилагательного, когда оно появляется в тексте не слишком талантливого автора только как условная отсылка к старому топосу.

Средневековый язык открывает перед нами и другое направление исследований. Семья *curt / curteis*, первоначально включавшая одно прилагательное и наречие, вскоре обогатилась, естественным образом, и глаголом. Помимо графического различия, лексикографы выделяют здесь две группы слов. В первую входят те, которые являются производными от существительного *cort* (*cortoyer, corteier, cortier*); во вторую – те, что связаны происхождением с прилагательным *courtois* (*cortoisier*,

¹ Artus, li boens rois de Bretaingne / la cui proesce nos enseigne / que nos soiens preu et courtois. – Le Chevalier au Lion (Yvain) / Publ. M. Roques. P., 1968. V. 1-3.

² Le Chevalier au Lion, Yvain / Trad. par C. Buridant et J. Trotin. P., 1971. P. 1.

cortisier). Эта очевидная семантическая двойственность заслуживает, без сомнения, отдельного исследования, которое в рамках нашей статьи может быть только предварительно намечено.

Едва возникнув, глагол *cortoier* обнаруживает тенденцию к многозначности. В «Коронавании Людовика», созданном менее чем полвека спустя после «Песни о Роланде», его значение остается нейтральным; по смыслу он связан скорее с местом несения службы, двором, чем с природой самой службы. Поскольку Карл Великий, одряхлев, вынужден был уступить свое место сыну Людовику, число исходящих от него советов лишь множится. Если, на его беду, Людовик позволит уронить свой авторитет, никто более не согласится ему служить: «Господний гнев поразит в самую голову того, / Кто отправится с таким королем в военный поход / Или будет жить при его дворе!»¹ Вместе воевать и бывать при дворе короля² – вот способ «служить при дворе», оставляющий многое на волю воображения читателя. Сходное употребление того же глагола встречается и в другой песне – «Алискансе», которая, как правило, датируется «самым концом» XII в.³ Граф Гильом, избежавший гибели после поражения при Алискансе, но находящийся в плачевном состоянии, обращается за помощью к королю Людовику, который в ту пору пребывает со своим двором в Лане. Побежденному и несчастному Гильому оказан плохой прием, он подавлен. Король издали бросает ему несколько слов, окрашенных презрением и иронией: «Господин Гильом, вы найдете здесь приют, / Накормите вашего коня; / Потом ступайте ко двору, чтобы поест. / Вы сейчас слишком бедны, чтоб служить при дворе!»⁴ Б. Гидо и Ж. Сюрбена хорошо передали значение *cortoier* в своем переводе – одновременно обобщенное и размытое: «Ступайте ко двору, чтобы поест. Вы выглядите слишком бедно, чтобы предстать передо мной»⁵. Оборванец недостойн «служить при дворе»; самое большее – его покормят, но за столом короля для него нет места.

Романы о Тристане помогают лучше понять эволюцию глагола *courtoier*. В прозаической версии «Романа о Тристане» интересующий нас глагол сопровождается любопытным пояснением. Жена Мелиаду-

¹ Mal dehé ait par mi la croiz del chief / Qui avuec lui ira mais osteier, / Ne a sa cort ira por corteier!. – Le Couronnement de Louis / Ed. E. Langlois. P., 1965. V. 200-203.

² Так переводит в данном случае глагол *corteier* А. Ланли: Le Couronnement de Louis: chanson de geste du XIIe siècle / Trad. par A. Lanly. P., 1969. P. 25.

³ Aliscans / Publ. par C. Régnier. P., 1990. P. 40.

⁴ Sire Guillelmes, alez vos herbergier, / Vostre cheval fetes bien aesier / Puis revenez a la cort por mengier. / Trop povrement venez or cortoier! – Aliscans. V. 2876-2879.

⁵ Aliscans / Trad. par B. Guidot et J. Subrenat. P., 1993. P. 92.

ка, короля Лоонуа, и мачеха Тристана принимает решение его погубить. Горвеналь, убежденный в том, что для Тристана единственная возможность спасения – покинуть двор, сообщает ему о своем решении: «Так и поступим; направимся в Галлию, в дом короля Фарамона. Там вы научитесь служить и жить при дворе и узнаете, как и подобает благородному и знатному мужу»¹. Следующий далее отъезд ко двору короля Марка, где Тристан может «служить вместе с другими благородными юношами» (*servir entre les autres demoisiax*) дает Горневалою возможность точнее определить свое понимание придворной службы: «после того, как вы прослужите вашему дяде столько, сколько пожелаете, и достигнете возраста, когда принимают в рыцари, ваш дядя сделает вас рыцарем»². Как кажется, по мысли Горневая, да и самого автора, последовательность слов «*servir et cortoyer*» («служить и жить при дворе») означает не что иное, как саму придворную службу, которая в данном случае приходится на «годы учения» будущих рыцарей. Однако во фрагменте манускрипта «Снейд 1» мы, по всей видимости, находим совсем иное употребление глагола *cortoyer*. Женившись на Изольде Белорукой, Тристан тут же собирается уехать. Один из рыцарей при дворе Марка, по имени Кариадо, любовь которого к возлюбленной Тристана остается безответной, решает ему отомстить, объявив ей о его женитьбе: «Он явился ко двору, чтобы просить / Королеву о любви; / Изольда считает его безумным. / С тех пор как Тристан уехал, / Не раз уж он просил ее. / Он хотел тогда добиться любви, / но это ему не удалось»³. Если Б. Уинд в своей глоссарии предлагает переводить *cortoyer* обычным «бывать при дворе» (*fréquenter la cour*), то Ф. Лекуа отдает предпочтение другому значению: «добиваться любви» (*faire la cour*), которое более согласуется с контекстом. В самом деле, Кариадо, который уже не раз просил королеву о любви, пользуется отсутствием Тристана, чтобы еще раз попытаться счастья, но и на этот раз его постигает неудача. Расхождения в интерпретации текста между разными современными читателями, естественно, обусловлены трудностью

¹ Fesons le bien; alons nos en en Gaule en l'ostel le roi Faramon. La aprendrez vos a servir et a cortoyer, et coment houz hom et gentils hom se doit maintenir. – Le Roman de Tristan en prose / Ed. R.L. Curtis. München, 1963. P. 137. Считается, что роман написан между 1215 и 1235 гг.

² Quant vous avrez tant servi vostre oncle com vos plera, et vos seroiz venus en tens et en aage de recevoir l'ordre de chevalerie, si vos fera vostre oncle chevalier. – Le Roman de Tristan. P. 144.

³ A curt ert venu pur requere / la reine de druerie; / Ysolt le tient a grant folie. / Par plusurs feiz l'ad ja requis, / puis que Tristran parti del país / Idunc vint il pur cortoyer, / mais unques n'i pot espleiter. – Les fragments du Roman de Tristan / Ed. B.H. Wind. P.; Genève, 1960, V. 798-804. Le roman de Tristan par Thomas / Ed. F. Lecoy, P., 1991. V.850-856. Версия «Романа о Тристане», принадлежащая Тома, вероятно, была написана между 1150 и 1160 гг.

соотнесения некоторых слов средневекового языка с каким-либо одним, строго определенным значением.

Еще один пример использования глагола *courtoier*, встречающийся, однако, в совершенно ином контексте, дополнит наш анализ. В начале первой ветви «Романа о Лисе», после того, как король Лев отвечает отказом на просьбу Изенгрин покарать Лиса за то, что тот совершил насилие над Грызентой, Бирюк берет слово, оканчивая свою речь следующим образом: «В Малпертуи за Лисом шлите / Меня. В его сюда визите / Я вижу благо: чем в норе, / Ему быть лучше при дворе»¹. Глоссарий, сопровождающий издание, предлагает переводить *cortioier* как «представить к королевскому двору», то есть наиболее распространенным значением этого глагола². А. Рей-Флод и А. Эшкенази в своем переводе этой ветви предпочитают усматривать в этом стихе иронический оттенок, согласующийся с контекстом и, в частности, с первым лицом глагола *apprendre* (*je lui apprendrai à vivre*): «я научу его жизни»³. Чтобы лучше соответствовать духу текста, лучше было бы, возможно, написать примечание, указав, что под *corteier* имеется в виду жизнь при дворе или, по меньшей мере, то представление о жизни, которое господствует при дворе.

Такова, на наш взгляд, судьба слова *corteier* в этот период истории языка. Это слово так и не приобрело узкого, конкретного значения, притом что со временем его употребление становится все более и более редким. В этом смысле показательным будет сопоставление уже приводившегося пассажа из прозаического романа о Тристане – «*apprendrez vos a servir et a cortioier, et coment hauz et gentils hom se doit maintenir*» (см. прим. 29) с фрагментом, заимствованным из «Романа о графе д'Артуа»⁴, написанного два столетия спустя. Здесь автор сопровождает упоминание о жизни при дворе короля Кастилии замечанием: «как существует при дворе короля или благородного принца обычай посмеиваться и подтрунивать над тем, кто ведет себя неотесанно, точно так же обращают там внимание на воспитанных людей – тех, кто везде умеет должным образом себя держать»⁵. Не правда ли, прекрасное

¹ Mandez Renart a Malpertuis: / je l'amenré se je le truis / et vos m'i volez envoier; / je l'aprendrai a cortieier. – Le Roman de Renart, première branche / Ed. M. Roques. P., 1974. V. 75-78.

² В рукописи, изданной А. Стрюбелем (Le Roman de Renart / Ed. A. Strubel et al. P., 1998), другое чтение: «Puis l'aprendrons a courtoiiier». Этот стих сопровождается здесь примечанием: «Вассал обязан был присутствовать на торжественных собраниях двора. Того, кто на них отсутствовал, считали мятежником» (p. 923).

³ Le Roman de Renart, branche I / Ed. H. Rey-Flaud, A. Eskénazi. P., 1971.

⁴ Le Roman du Comte d'Artois (XV siècle) / Ed. J.-Ch. Seigneret. Genève; P., 1966.

⁵ Ainsy qu'il est de coustume en court de roy et de hault prince que l'en fait ses ris et gabois de ceulx qui rudement s'y maintiennent, tout au contraire fait on compte dez bien apris et qui scevent leur estre par apoint bien tenir en tous lieux. – Le Roman du Comte d'Artois. P. 120.

определение глагола *corteier*? Но сам он здесь отсутствует. Что же касается прилагательного *courtois*, то если оно остается употребительным и продолжает эволюционировать, то какую-либо его соотнесенность с «двором» едва ли удастся обнаружить, – она полностью вытеснена понятием чести.

Без боязни впасть в преступное упрощение можно резюмировать в двух словах то, что произойдет дальше с развитием семантики слова *courtois*: она обусловлена традицией и иронией. Было бы неуместно, да к тому же и скучно пытаться указать все источники, в которых встречается это слово, приводя многочисленные примеры его употребления. В этом случае наилучшим ориентиром может служить сборник «Сто новых новелл», написанный во второй половине XV в., поскольку его автор, смешивая серьезное и смешное, иллюстрирует два основных значения слова¹. Здесь порой мы встречаем один из возможных вариантов его употребления, явно связанный с куртуазными романами, – например, в новелле 70, одной из наиболее оригинальных. В отличие от многих других новелл сборника она апеллирует не к галльской теме, но к миру невероятного. В ней речь идет о том, что приключилось с человеком, который, владея всего лишь оружием «твердой веры в святое крещение» (*sa ferme foy au saint mistere de baptesme*), столкнулся с дьяволом и обратил его в бегство, оторвав у него один рог. Первая фраза новеллы так описывает героя: «благородный немецкий рыцарь, великий путешественник, ловко владеющий оружием, щедрый, куртуазный и в изобилии наделенный всеми другими доблестями»². Здесь чувствуется, что перед нами в сущности условный портрет, создатель которого, желая преумножить достоинства персонажа, решил тем самым лишить куртуазность ее прежнего ранга основной добродетели, объединив ее со всеми прочими «доблестями» (*bonnes vertuz*). Такая куртуазность, став банальной и полностью лишившись сакрального ореола, все же полностью согласуется с прежней традицией. Другие новеллы содержат, однако, примеры иного употребления этого слова, в противоположном смысле. Так, новелла 68 повествует о злключениях женщины, которую муж настиг в момент совершения прелюбодеяния и жестоко наказал. Эта женщина, говорится в начале рассказа, «не будучи одной из самых добродетельных в мире, была прощена весьма благородным другом об одной услуге, сами знаете какой. А она, поскольку была любезна (*courtoise*) и такова, как вы

¹ Les Cent Nouvelles nouvelles / Ed. F.P. Sweetser. Genève, 1966. См. также: *Dubuis R.* La courtoisie dans les Cent Nouvelles nouvelles // *Hommage à Jean Dufournet*. P., 1993. Т. 1. P. 479-489.

² «Un gentil chevalier d’Alemaigne, grand voyageur, aux armes preux, large, cortois, et de toutes bonnes vertuz largement doué». Les Cent Nouvelles. P. 426.

уже ведаете, не отказала ему в ней»¹. Не вызывает удивления, что мы неоднократно встречаемся с выражениями «оказать любезную услугу» или «просить о любезной услуге» (*faire* или *demander la courtoisie*) как простой отсылке к половому акту (новеллы 65, 76, 92). Один из пассажей новеллы 62 для нас крайне ценен, поскольку автор обыгрывает здесь двусмысленность таких выражений. Во время ассамблей, созывавшихся, чтобы договариваться о выкупе за Карла Орлеанского, некий знатный юноша, поселившийся в Кале у нотариуса, супруга юной и ... ласковой красавицы, увлекся ею. У него, естественно, не было никакого иного желания, кроме того, чтоб разделить с ней ложе, что она сразу же и поняла. Добиваясь цели, соблазнитель, как кажется, обращался к традиционному словарю куртуазной любви. Он расточал ей «лестные слова» (*gracieusetez*), а «под конец настолько осмелел, что попросил у своей хозяйки о любезной услуге, а именно о том, не смог бы он стать ее другом, а она его дамой»². Изюминка всей этой истории и самого рассказа, состоит в игре слов вокруг понятия «любезность», «любезная услуга» (*courtoisie*). Не способствовала ли эта ироническая окраска слова *courtois*, обусловленная его банализацией³, исчезновению одного из первых его значений – того, что было связано с искусством придворной службы?

* * *

История слова *courtisan* сложнее. Оно войдет в Академический словарь лишь в 1694 г. Лексикографы считают, что хоть оно и появляется в конце XV в., но по-настоящему употребительным становится только в XVI в. Предполагается, что оно произведено от итальянского *cortigiano*⁴ и что заимствованию способствовал папский двор в Авиньоне (где французское *cortezan* впервые отмечено в 1350 г.). Тот факт, что французское слово было непосредственно заимствовано из окситанского, конеч-

¹ Qui n'estoit pas des plus seures du monde, fut requise d'un tresgentil compaignon de faire la chose que savez. Et elle, comme courtoise et telle qu'elle estoit, ne refusa pas le service. – Ibid. P. 418.

² En la fin s'enhardit de demander a sa dite hostesse sa coutoisie, c'est asavoir qu'il peust estre son amy et elle sa dame par amours. – Ibid. P. 386.

³ В конце XV в. то же слово приобретает откровенно насмешливое значение, быть может, обусловленное смесью показной стыдливости и жеманства, – более раздражающее, нежели его затертые употребления. Так рождается выражение *chambre courtoise*, означающее отхожее место, а также производное от него *courtoisien* – ругательство (см.: *Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXème au XVème siècle*. P., 1883. Т. 2. P. 321a).

⁴ Впервые оно встречается у Боккаччо, ок. 1350 г.

но, не означает, что таково же было происхождение другого французского слова, существование которого засвидетельствовано в середине XIV в. – *cortoisien / corteisien*¹; последнее очевидным образом произведено от *courtois*. Годфруа переводит его как «имеющий отношение ко двору, придворный»², ссылаясь при этом на текст Жана Бушара: «Томас Джеймс, был в ту пору придворным в Риме...»³. Можно сказать, что судьба этого последнего термина по меньшей мере не была блестящей, и он был быстро вытеснен словом *courtisan*. Сугубо семантическая проблема здесь в конечном счете связана с социальными проблемами. Решающим фактором оказывается переход от двора, который тот или иной сюзерен временами созывает, к двору, постоянно пребывающему и живущему вместе с государем. В данном случае мы имеем дело с медленной и постепенной эволюцией социальных структур, которая влечет за собой изменение нравов, отражением которого становится, в свою очередь, семантика слов. Сдвиги такого рода не осуществляются в один день и не происходят повсюду одновременно. Здесь, как и во многих других случаях, Италия, вне сомнений, показывает путь другим народам. Было бы, однако, несколько скоропалительно приписывать лишь итальянскому языку заслугу в появлении слова *courtisan*. Быть может, было бы более справедливым сказать, что итальянский язык усвоил и в каком-то смысле закрепил слово, в котором язык испытывал потребность. Время его появления с точностью определить невозможно, и до сегодняшнего дня оно с трудом пробивало себе путь⁴.

Понятно, что слово *courtisan* возникает под пером современного историка совершенно естественно. Так, Франсуаза Отран пишет: «Старые темы сатирического изображения придворной жизни воскресают уже в начале XII в. при дворе Генриха II Плантагенета. Двор сравнивают с адом, поскольку царящая там суэта во всем противоположна учению и добродетели. (...) Моралисты XIV и XV вв. осуждают двор менее сурово, хотя и они неустанно порицают придворных»⁵. Для лингвиста кажется логичным исследовать те термины, которые употреблялись в произведениях «моралистов, порицающих придворных». Рамки этой статьи не позволяют, разумеется, сделать исследование литературных текстов

¹ В Стихотворениях Жюль Ли Мюизи (ок. 1350 г.).

² *Godefroy F.* Op. cit. Completément. P., 1898. Т. 9. P. 229. В Словаре Тоблера-Ломматча: «принадлежащий ко двору», «придворный». *Tobler A., Lommatzsch E.* Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1971.

³ Jean Bouchard (ou Boucard). Chroniques de Bretagne (вторая половина XV в.).

⁴ Это же касается и слова *nouvelle* в значении «новелла».

⁵ *Austrand F.* Cour // Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002. P. 356.

позднего Средневековья исчерпывающим. Для анализа лексики, которой отдают предпочтение авторы, будет полезным, напротив, обратиться к некоторым наиболее известным текстам из тех, в которых говорится о придворной жизни. Хотя он может показаться незначительным, мы в первую очередь остановимся на сборнике «Сто новых новелл», поскольку он прекрасно отражает состояние французского языка позднего Средневековья. Мы можем констатировать, что слово *courtisan* ни разу в нем не встречается, вместо него используется словосочетание *gens de court*¹. Конечно, это произведение нельзя считать сочинением моралиста, однако действие некоторых рассказов разворачивается при дворе, и можно полагать, что автор включил в свой сборник истории, которые циркулировали при дворе герцога Бургундского. Чтение двух других текстов, различных по форме, но весьма сходных по духу и ориентации, должно было стать более многообещающим. Один из них – «Придворный», принадлежащий Алэну Шартье, который перевел латинский трактат неизвестного автора «*De vita curiali*» («О придворной жизни», вторая половина XIV в.)². Это суровая инвектива придворной жизни, сочиненная человеком, служащим при дворе, и обращенная к другу, чье самое пылкое желание состоит в том, чтобы к нему присоединиться. Что касается «Обманутого придворного», датированного 1460-1470 гг., – это исповедь человека, жизнь которого двор сломал. Герой желает, чтобы его пример послужил уроком тем, кто прельщен придворной жизнью³. Анализ этих двух текстов, занимающих видное место среди сочинений «моралистов, порицающих придворных», дает, вне всяких сомнений, прекрасную возможность понять, в каких словах авторы описывают «придворных».

Сразу же отметим, что «Придворный» наши надежды не оправдывает. Слово *courtisan* здесь используется один-единственный раз, то есть не чаще, чем в «Ста новых новеллах». Выбор слова или выражения, призванного заполнить эту лакуну, осуществляется в зависимости от нескольких критериев. Слово *curial* (придворный) используется трижды применительно

¹ Например, в новелле 81, которая, ко всему прочему, обладает тем преимуществом, что описывает жизнь при дворе в традиционном куртуазном духе: «поскольку придворные охотно проводят время с дамами» (*comme gens de court se trouvent volontiers avec les dames*). *Les Cent Nouvelles*. P. 475. Отметим, что то же выражение часто встречается и в других проанализированных нами текстах.

² *Le Curial* par Alain Chartier. Genève, 1974 (1ère éd. : Halle-sur-Saale, 1899). В историографии второй половины XX в. эта точка зрения опровергается, и автором латинского текста также считают Алэна Шартье. См.: *Lefèvre S. Alain Chartier // Dictionnaire des lettres français. Le Moyen Age*. P., 1992. P. 30-31; *Walravens C. Alain Chartier*. Amsterdam, 1971. P. 74-77; *Les oeuvres latines d'Alain Chartier*. P., 1977, и др. – *Прим. ред.*

³ *L'Abuzé en court*. P.; Genève, 1973.

к человеку, один раз в качестве прилагательного («придворные люди» – *les gens curiaux*, р. 7), другой – существительного («между нами, придворными» – *entre nous curiaux*, рр. 19, 27). С обозначением по месту пребывания дело обстоит сложнее. Наряду с простыми упоминаниями места – «люди при дворе» (*gens de court*, 15, 17), «люди при этом дворе» (*gens de la court*, р. 19), «между нами, придворными» (*entre nous de la court*, р. 23), слово употребляется и применительно к деятельности придворных, определяемой по большей части глаголом «служить» (*servir*) или существительным «слуга» (*serviteur*): «тот, кто служит при дворе» (*qui sert a court*, р. 13), «между нами, придворными служителями» (*entre nous serviteurs de court*, р. 13). Наиболее неожиданный элемент таких контекстов – двукратно встречающееся употребление слова *palatin* (вельможа, палатин): «Если ты там [при дворе] окажешься ниже прочих вельмож, будешь завидовать их могуществу»¹. «К чему желаешь ты славы вельмож, великие несчастья которых вызывают к ним только жалость?»² Совершенно очевидно, что в этом тексте *palatin* – французская форма латинского *palatinus*, то есть простой перевод слова, которое используется в *De vita curiali*. Поскольку контекст в данном случае абсолютно ясен, не нужно видеть в слове *palatin* что-либо иное, нежели простой вариант обозначения человека, живущего при дворе. Напомним, что этот термин существовал уже в XII в. (причем и как существительное, и как прилагательное) и передавался различными способами: *palatin*, *palasin*, *palazin*. Так, в «шансон де жест» встречаем, в частности, упоминание «палатинских графов», которым поручаются «дела, относящиеся к особе короля и сбору войска (*appels*)», а позднее – «сбор податей в определенной области»³. Почему бы не предположить, что Ален Шартье, встретив в *De vita curiali* слово *palatini*, решил использовать его производное, возможно с оттенком иронии, вспомнив об этих досточтимых предках?

Основная тема «Обманутого придворного» позволяет надеяться, что анализ этого произведения нас не разочарует. Обращаясь в самом начале к своему «мэтру», Обманутый придворный задает ему вопрос: «Хочу спросить вас об одном, а именно: что вы думаете о жизни при дворе?»⁴ На самом деле этот вопрос предполагает двоякий ответ в зависимости

¹ Se tu y [la cour] est ravallé au dessoubz des autres palatins, tu seras envieux de leur pouoir. Le Curial. P. 9.

² A quoy convoites tu la gloire des palatins qui pour leur misere miserable ont necessité que l'ont ait pitié d'eulx?. – Ibid. P. 19.

³ *Parisse M. Comte // Dictionnaire du Moyen Age. P. 321.*

⁴ Vous vueil requerir d'une seule chose, c'est assavoir qu'il vous semble de la vie de court. – L'Abuzé en court. P. 25.

от того, что имеется в виду: люди как таковые или же их поведение. По крайней мере, именно с такой трудностью приходится столкнуться автору, поскольку недостаток лексики не позволял нюансировать, о чем идет речь. Если ему приходится упоминать тех, кто, с нашей точки зрения, относится к придворным, он всегда называет их при помощи перифраз: «те, кто находятся при дворе в услужении и подчинении», «ты сам, да и любой другой, кто, будучи при дворе, исполняет свой долг и живет по чести»¹. Надо заметить, что, в отличие от Алена Шартье, автор «Обманутого придворного» никогда не использует слова *curial*. Вместе с тем набор терминов, служащих для обозначения придворных, близок к тому, который предлагает в «Придворном» Шартье. Здесь, конечно, есть словосочетания, включающие упоминания места, – двор. Они немногочисленны, но допускают, однако, некоторую любопытную вариативность в деталях. Среди них отметим в первую очередь наиболее простое выражение «придворные люди» (*gens de court*), наиболее близкое, как нам представляется, к современному *courtisan*. Оно, однако, встречается лишь один раз, когда «мэтр» объясняет Обманутому придворному, что помпезность (*bobance*) «есть вещь, не угодная Господу, но приятная придворным людям»². Следует при этом уточнить, что в данном случае словосочетание *gens de court* не обозначает лишь одних придворных (*courtisans*), но относится ко всем, кто живет при дворе. Таким образом, читатель, желающий узнать, как воспринимается двор, остается неудовлетворенным. Его сведения на этот счет не сильно расширятся, если он встретится со словосочетаниями «оставаться при дворе» или «жить при дворе»³. Одно сочетание привлекает внимание своей оригинальностью: «Тело мое пускается в путь, / Решив примкнуть к придворной группировке»⁴. Однако не нужно преувеличивать значение этого выражения, поскольку речь идет о строфе, созданной в стиле «Великих риториков», построенной на игре омонимов *partie / party*.

Напротив, в центре жизни «придворного» оказывается понятие «службы» (*service*), которую учитель полагает его первой обязанностью: «в первую очередь ты должен хорошо служить своему господину, быть деятельным и ловким в делах и поручениях, которые он тебе доверяет»⁵. Свое наставление «учитель» прекрасно резюмирует в двух стихах, на-

¹ Ceulx qui en la court sont en servitude et subjection»; «toy et ung chascun qui, en la court, fait son devoir et use sa vie par preudomme. – Ibid. P. 26, 30

² Une chose fort desplaisant a Dieu et a gens de court agreable. – Ibid.

³ *Se tenir en court* – Ibid. P. 9, 87; *Vivre en court* – Ibid. P. 2, 26.

⁴ Veez la dont est ma char partie / Par tenir de court le party. – Ibid. P. 9.

⁵ Premièrement bien servir ton seigneur et estre actif et diligent en ses affaires ou a ceulx qu'il te commande. – Ibid. P. 28.

поминающих максиму: «Чем с большим трудом человек служит, / Тем менее доволен наградой»¹. Безоговорочное употребление глагола *server* (служить) в этих стихах указывает на некоторую двойственность его значения. Она становится еще более ощутимой, если читатель попытается понять, в чем заключается различие между словосочетаниями «обслуживать двор» (*servir la court*)² и «служить при дворе» (*servir en court*)³.

Когда отсылка дается к человеку как таковому, автор чередует слова *serviteur* («слуга», р. 48, 118, 128) и *servant* («служащий», р. 94, 101, 103, 104). Однако чаще принимается во внимание само действие. В таких случаях либо непосредственно используется глагол *servir* (служить), либо вводится понятие *service* (служба): «быть на придворной службе» (*être au service de la court*, р. 74⁴), «поступить на службу» (*se mettre en service*, р. 112), «продолжать службу» (*poursuir le service*, р. 128), «горбатиться на службе» (*se ploier en service*, р. 8). Чаще всего желание автора разнообразить текст заставляет его употребить прилагательное, наречие или еще один глагол, которые сообщают действию дополнительный смысловой оттенок: «оказать добрую службу» (*faire service agréable*, р. 50), «охотно служить» (*servir a gré*, р. 114), «верно служить» (*servir loyaument*, р. 77), «служить добром и угождать» (*bien servir et complaire*, р. 70), «служить понапрасну» (*follement servir*, р. 128), «служить по чести и совести» (*bien et justement servir*, р. 28).

Ограниченность нашего корпуса текстов не позволяет нам сделать слишком далеко идущие выводы. И все же сравнение произведений, избранных для анализа, может служить основанием для нескольких обобщений. Едва ли не в первую очередь, обращает на себя внимание большое значение, которое придается понятию «придворная служба» (*service à la court*) вне зависимости от времени написания текста и от литературных пристрастий автора. Это, кроме того, постоянство некоторых формул, не меняющихся ни с течением времени, ни в зависимости от предполагаемого характера самой службы. Не менее очевидны и те сложности, какие испытывали носители языка, желающие назвать эту службу каким-либо словом, передаваемым из поколения в поколение. Если в XII-XIII вв.

¹ Plus prant peine l'omme a servir, / Moins est content au remerir. – Ibid. P. 30.

² Comme la court est servie de plusieurs gens (поскольку при дворе служит множество людей). – Ibid. P. 29. Ср. также в обращении Обманутого придворного к двору: «Я вам служил и продолжаю вам служить» (*Servy vous ay et si vous sers*. – Ibid. P. 77).

³ Si la personne servant en court est en la grace de son seigneur (если лицо, служащее при дворе, в милости у своего господина). – Ibid. P. 26. Ср. также: «Смотрите, как я красовался, / Когда служил при дворе» (*Vëez comment je me loricardoye / Servant en court*, р. 58).

⁴ В оригинале это выражение используется на с. 74 следующим образом: «Ma dame la Court que j'avoye desja esté en son service». – Прим. перев.

наиболее адекватным было слово *courtois*, то позднее эволюция нравов, обусловившая его многозначность, делала его все менее и менее «понятным». Очевидно, что однажды слово *courtisan* полностью его вытеснит, но в конце Средневековья смысл этого последнего термина еще не настолько устойчив, чтобы этот процесс мог полностью завершиться.

Нельзя отрицать, что *courtois* и *courtisan* действительно восходят к одному слову; совершенно ясно, что в определенный момент оба они – как одно, так и другое – сходным образом передают одно и то же понятие «придворной службы». Однако хронологически они разведены во времени. Литература не позволила им существовать одновременно – во всяком случае в тех значениях, которые нас здесь интересуют. Теперь объединить их может только лингвист, как бы воскрешая эту пару этимологических дублетов.

Список литературы

Dubuis R. Courtois / courtisan: un couple recomposé // De l'homme courtois au courtisan: servir à la cour, du Moyen Âge à la Renaissance. Cahiers Moyen Âge et Renaissance. 2007. № 2.

La Chanson de Roland / Ed. G. Moigner. P., 1969.

Le Chevalier au Lion (Yvain) / Publ. M. Roques. P., 1968.

Le Chevalier au Lion, Yvain. / Trad. par C. Buridant et J. Trotin. P., 1971.

Le Couronnement de Louis / Ed. E. Langlois. P., 1965.

Le Couronnement de Louis: chanson de geste du XIIe siècle / Trad. par A. Lanly. P., 1969. Aliscans / Publ. par C. Régner. P., 1990.

Aliscans / Trad. par B. Guidot et J. Subrenat. P., 1993.

Le Roman de Tristan en prose / Ed. R.L. Curtis. München, 1963.

Les fragments du Roman de Tristan / Ed. B.H. Wind. P.; Genève, 1960.

Le roman de Tristan par Thomas / Ed. F. Lecoy, P., 1991.

Le Roman de Renart, première branche. / Ed. M. Roques. P., 1974.

Le Roman de Renart / Ed. A. Strubel et al. P., 1998.

Le Roman de Renart, branche I / Ed. H. Rey-Flaud, A. Eskénazi. P., 1971.

Le Roman du Comte d'Artois (XVe siècle) / Ed. J.-Ch. Seigneret. Genève; P., 1966.

Les Cent Nouvelles nouvelles / Ed. F.P. Sweetser. Genève, 1966.

Dubuis R. La courtoisie dans les Cent Nouvelles nouvelles // Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 1.

Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXème au XVème siècle. P., 1883. T. 2.

Tobler A., Lommatzsch E. Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1971.

-
- Autrand F.* Cour // Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002.
Le Curial par Alain Chartier. Genève, 1974 (1ère éd. : Halle-sur-Saale, 1899).
Lefèvre S. Alain Chartier // Dictionnaire des lettres français. Le Moyen Age. P., 1992.
Walravens C. Alain Chartier. Amsterdam, 1971.
Les oeuvres latines d'Alain Chartier. P., 1977
L'Abuzé en court / Ed. par R. Dubuis. P.; Genève, 1973.
Parisse M. Comte // Dictionnaire du Moyen Age.